

СВЯЩ. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА ПРОФЕССОРАМ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

История Московской духовной академии пока не изобилует исследованиями и публикациями. Среди немногочисленных исследований выделяются работы протодиакона Сергия Голубцова. Начав заниматься историей МДА еще на студенческой скамье, он продолжал заниматься этой темой всю жизнь († 1 августа 2006 г.). Труды его можно охарактеризовать с двух сторон: 1) тщательность, унаследованная от нескольких поколений Голубцовых-ученых, 2) необычайная либеральность взглядов, усвоенная им в годы юности как протестное движение души против официального идеологизма.

Вследствие такого сочетания труды протодиакона Сергия никак нельзя «обойти», но читать их приходится, зачастую меняя плюс на минус, а минус на плюс. Чего стоит пассаж из послесловия к книге «Московская духовная академия в эпоху революций»:

«Действительная история Академии в начале этого века, как показано, была весьма бурной, наполненной целом рядом конфликтов. Причины их были, во-первых, в малоуспешных попытках профессоров добиться некоторой независимости от неквалифицированного руководства со стороны синодально-иерархической власти при царизме, во-вторых, в том, что многие из них в своем поведении руководствовались вовсе не евангельскими заветами служения истине, что подчас требовало определенного мужества, а “видами начальства” и корыстными мотивами, иногда и не очень тщательно закамуфлированными, в-третьих, в неумелом или недостойном руководстве Академией.

И это, к сожалению, относится и к некоторым из архиереев и ректоров Академии, в первую очередь, к архиеп<ископу> Антонию Храповицкому и его многим протее, среди которых был и еп<ископ>

Феодор. Они в своих честолюбивых и абсолютистских устремлениях, прикрытых церковными лозунгами и одеяниями, злоупотребляя своим служебным начальственным положением, не останавливались перед применением разных рычагов (продвижение по службе, премии, присвоение ученых степеней) в давлении на подведомственных им членов корпорации, вплоть до беспардонных обвинений своих оппонентов в нецерковности или даже политической нелояльности. «Академия — это я», — таково было их кредо, по словам известного ученого богослова, выпускника Академии профессора Н. Н. Глубоковского, опубликовавшего свой памфлет в юбилейном сборнике «У Троицы в Академии» в 1914 году¹. Только февральская революция 1917 года, поддержанная большинством студенчества и профессуры, как и большинством городского населения России, положила конец деспотии еп. Феодора и подобных ему лиц².

Разгребать подобные «антифеодоровские» завалы из работ протоиерея Сергея Голубцова необходимо не по принципу «наши — не наши», а на основании конкретных документов. Главный недочет его исследований заключался, на мой взгляд, в том, что первопричину конфликтов в Академии он полагает в противостоянии политического характера (прогрессивный — реакционный), а вовсе не церковного (либерально-протестантствующие — церковные). При этом такие профессора «старой» Академии, как А. П. Голубцов, И. В. Попов, А. Д. Беляев, оказались втянутыми в конфликт на стороне «прогрессивной» партии по основаниям, органически чуждым им самим. Фактически «прогрессисты» сыграли на их некоторой собственной, исторически обусловленной наивности и использовали тем самым их церковный и научный авторитет в своих целях, отнюдь, как мы теперь хорошо понимаем, не безобидных.

Публикуемые ниже 4 письма священника Павла Флоренского в значительной степени относятся к его повседневной академической жизни. Однако они в некоторой мере дополняют и уточняют картину взаимоотношений профессоров МДА, а также со всей отчетливостью

¹ Глубоковский Н. Н. За тридцать лет // У Троицы в Академии 1914. С. 751.

² М., 1999. С. 250.

выявляют его собственную позицию. Все публикуемые письма находятся в Архиве священника Павла Флоренского.

1. ПИСЬМО П. А. ФЛОРЕНСКОГО П. В. ТИХОМИРОВУ
14 ОКТЯБРЯ 1906 г.³

Многоуважаемый Павел Васильевич!

Одним из профессоров нашей Академии мне сделан запрос в том смысле, как бы я отнесся к предложению занять кафедру по Ист<ории> филос<офии>.

Одним из факторов, определяющих мое решение, являетесь Вы, Павел Васильевич. Правда, Вы не связаны с Академией официальными связями, но нравственная связь с человеком, с которым я имел общение два года, не может быть игнорируема. Конечно, я не решаюсь спрашивать Вас о Ваших планах на будущее, однако Вы не сочтете, — думается мне, — неожиданным, если я позволю себе обратиться к Вам

³ Письмо П. А. Флоренского П. В. Тихомирову публикуется по оригиналу, который был возвращен П. В. Тихомировым П. А. Флоренскому вместе с конвертом. Конверт без штемпелей, на конверте рукой П. А. Флоренского написано: «Москва. Павлу Васильевичу Тихомирову. Левшинский пер., Церковный дом». Сохранился также черновик письма.

Уход П. В. Тихомирова из Московской духовной академии был вызван тем, что его жена перешла жить к В. Н. Мышцыну. Тихомиров поставил Мышцыну требование покинуть Академию не позднее 10 декабря 1905 г. Мышцын, признав себя виновным, согласился уйти из Академии, но затем стал утверждать, что он имел в виду не немедленный уход, а переход на другую службу, что требовало неопределенного времени. Тогда П. В. Тихомиров 19 декабря 1905 г. подал прошение, в котором говорилось, что по не зависящим от него обстоятельствам он вынужден покинуть Академию. Но в течение января-октября 1906 г. и Тихомиров и Мышцын продолжали оставаться в корпорации МДА. До окончательного решения вопроса чтение лекций по истории древней философии было поручено И. В. Попову, а по истории новой философии — Н. Г. Городенскому. В конфликт был втянут Совет МДА, и естественно, что студентам (в том числе П. А. Флоренскому, который в сентябре 1906 г. перешел на 3-й курс) в общих чертах была известна эта история. Дело кончилось тем, что указами Синода Тихомиров был уволен согласно его прошению 20 сентября 1906 г., а Мышцын — 22 ноября (по прошению от 18 октября 1906 г.).

Подробное описание «дела Мышцына—Тихомирова» (ЦГИАМ. Ф. 796, оп. 187, д. 380, л. 1—102) см.: *Голубцов 1999**. С. 113—124.

с просьбою высказаться по указанному в начале письма предмету, а именно: как Вы посмотрели бы на поставленный вопрос. Мне лично прежде всего желателен (повторяю, я не смею просить о полной откровенности) прямой ответ, насколько обсуждаемая кафедра затрагивает Ваши интересы, Ваши намерения, и, затем, насколько правильным Вы находите это предложение, в его отношении ко мне именно. Итак, я полагаю для себя обязательным осведомиться, 1, с Вашим субъективным мнением как П<авла> В<асильевича> Т<ихомирова>, и 2, с объективным, как профессора философии.

Если Вы и не сочтете возможным удовлетворить мою просьбу, то, во всяком случае, извините за вопросы и поверьте, что, задавая их, я имею в виду Вас как цель, а не как средство. Добавлю только, что если Вы сочтете необходимым, то Ваш ответ останется между нами.

П. Флоренский

1906. X. 14

Сергиевский Посад

2. ПИСЬМО П. А. ФЛОРЕНСКОГО ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ

1906 г.⁴

Дорогой Василий Иванович!

Среди дряг и неприятностей в alma mater доселе никак не мог написать Вам. Жить с кажд<ым> днем жизни становится тяжелее и тяжелее, потому что и раньше (как Вы знаете) я был одинок в Акад<емии>

⁴ Публикуется по черновику письма, сохраненному П. А. Флоренским у себя. Корреспондент письма П. А. Флоренского мне неизвестен. Могу лишь предположить на основании того, что письмо Василию Ивановичу было вложено в конверт письма П. А. Флоренского П. В. Тихомирову, что Василий Иванович — отец Павла Васильевича Тихомирова.

Значительная часть письма посвящена «делу об увольнении Ключевского». 5 сентября 1906 г. В. О. Ключевский (1841–1911) подал прошение об уходе на пенсию. Ему было 65 лет. Совет Академии просил его продолжить преподавание. Эта просьба была донесена до В. О. Ключевского особой депутацией (Ректор Академии епископ Евдоким вместе с проф. А. П. Голубцовым и И. Д. Андреевым) на московскую

в своих воззрениях на необходимость держать в центре всех мыслей Церковь⁵, а ныне это одиночество неизмеримо растет. А к полному отсутствию церковности присоединяется еще у некотор<ых> отсутствие простой порядочности, и поэтому не только столкновения из-за главного (Церкви) тяжело, но и столкновения из-за вторичного принимают характер каких-то даже дразг.

Вы, вероятно, знаете ту душную атмосферу профессорской, которая образовалась от истории с Мышцыным. Сюда присоединилась еще новая история с Ключевским и проч., и проч. Среди товарищей завелась компания, которая поставила себе какие-то таинственные цели и добивается их всяческими средствами, не исключая и иезуитских. А когда кто-ниб<удь> попытается противодействовать — пускается в ход клевета, доносы и т. п. Лично я ничего этого не боюсь, но ужасно

квартиру. Но поскольку В. О. Ключевский до 21 сентября 1906 г. не начал преподавание и пропустил 8 лекций, Совет постановил «дать ход делу об его увольнении». Пять членов Совета (Голубцов, Попов, Андреев, Городенский и Смирнов) начали борьбу за оставление В. О. Ключевского в Московской духовной академии. Это выразилось в различных заявлениях на Совете, выступлениях в газете «Русские ведомости» и «Век», посылкой своего особого мнения митрополиту Московскому Владимиру и т. д. Однако большинство Совета поддерживало отставку В. О. Ключевского. В связи с этим встал вопрос о приглашении на Совет т. н. «младшего состава корпорации» — и. д. доцентов, которые бы голосовали «за Ключевского». Началась агитация среди студентов, которые организовывали сходки и забастовки лекций, требовали учесть их мнение на Совете.

Считалось, что уход В. О. Ключевского ослабит «либеральность» Академии и усилит ее консерватизм и «церковную реакционность». Вопрос о возрасте В. О. Ключевского и возможности его поездок из Москвы в Сергиев Посад, а также вопрос о значимости его ученой деятельности оказались на периферии общественной борьбы вокруг его имени. Подробно об этом см.: *Голубцов 1999**. С. 23–28, 89–91. Таковы обстоятельства, связанные с увольнением В. О. Ключевского.

С. Голубцов пишет, что студент П. А. Флоренский был «лидером наиболее боевого первого курса Академии и по своему образованию (в 1904 г. он окончил Московский университет, где было сильное революционное брожение), и по возрасту, и по тогдашнему своему настроению» (*Голубцов 1999**. С. 10); «одним из лидеров студентов в их антимонархическом движении» (Там же. С. 107), членом «Христианского братства борьбы» (Там же. С. 109). Все это не соответствует действительности, и данное письмо еще раз свидетельствует о том, что П. А. Флоренский был чужд политической борьбы и политических интересов даже внутри Академии.

⁵ Зачеркнуто: «... в центре всего христианство, православие, Церковь...».

противно жить в такой среде. Вот, напр<имер>, по поводу истории с Ключевским, которого из товарищей никто не знал, верно, было этой компании в частности высказано предложение выразить негодование Совету. Я тоже не знал этой истории, и потому, не высказываясь ни за, ни против, предложил товарищам узнать в точности дело, прежде чем предпринимать подобный решительный шаг. Против этого, конечно, ничего нельзя было возразить по существу, но на другой день на меня налетает один из профессоров — сторонников Ключевского — и сильно оскорбляет. Оказывается, ему уже доложено, что «образовалась партия, желающая удаления Ключевского, и во главе ее стоит П. Ф.» и т. д.

Точно так же насчет политики. Эта самая компания упорно желает вовлечь Академию в политическую борьбу, да еще, как видится, под флагом определенной партии. Мне противна всякая партия в политике, а тем более противно внесение политических раздоров во внутреннюю жизнь Академии. Я стараюсь отклонить от Академии подобные задачи, и так же Серг<ей> Сем<енович>⁶. А в результате появляются слухи, будто мы именно создаем какую-то политическую партию в Академ<ии>, тогда как мы просто хотим быть христианами и заниматься своим делом. От кого исходят эти слухи — не знаю, но думаю, что именно от этих же подпольных сил (соцдемократов академическ<их>), которые хотят разом и отомстить, и откинуть от себя подозрения.

И таких вещей, да и не со мною одним, сколько угодно.

Ну простите, Вас<илий> Ив<анович>, что хнычу — и все про себя. Только одно хочется: либо поселиться в деревне, либо уйти в один из палестинских монастырей, особенно последнее. Право, какие⁷ уеду, наконец. Нельзя жить среди скверностей...

⁶ Сергей Семенович Троицкий (8 августа 1881 г. — 2 ноября 1910 г.) — самый близкий друг П. А. Флоренского в Академии, с которым он жил в одной комнате с сентября 1906 г. См. о нем выше в «Воспоминаниях о Московской духовной академии начала XX века» Д. А. Маркова (Примеч. 26) (далее — *Марков. Воспоминания*).

⁷ Так в тексте черновика. Вероятно, не зачеркнут первоначальный вариант.

3. ПИСЬМО СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО
И. В. ПОПОВУ ПОСЛЕ 7 МАРТА 1916 г.⁸

Обращаюсь к Вам как к своему бывшему наставнику, а не к С. И. Смирнову, не потому, что этот последний оскорбил меня, а главным образом потому, что считаю его вообще неспособным рассуждать по существу.

Мой вопрос к Вам о том, неужели Ваши, Ваших единомышленников разговоры и вопли о свободе совести, о терпимости и т. д. — одна только маска, прикрывающая вожделения власти и кулака? Вам лично я до сих пор верил; но теперь, кажется, надо разувериться и в Вас, если судить о Вас по Вашим друзьям. Почему только за собою они признают право на убеждение и на свободу совести, а всякому другому, с ними расходя-

⁸ Письмо священника Павла Флоренского И. В. Попову публикуется по недатированной (что очень редко) копии, оставленной свящ. Павлом Флоренским себе. И. В. Попов (1817–1938 гг., прославлен как мученик на Архиерейском Соборе 2000 г., память 26 января) — профессор (1898) кафедры Патрологии МДА, преподавал в Сергиевом Посаде с 1893 г. до закрытия МДА в 1919 г. Редактор журнала «Богословский вестник» (1903–1906). С 1906 г. — член Предсоборного Присутствия, с 1917 г. — член Комиссии по реформе высших духовных школ. В 1917–1918 гг. — член Предсоборного Совещения и Собора Русской Православной Церкви. Продолжил преподавание в МДА в 1920-е гг.

Датируется письмо исходя из того, что диссертация А. И. Покровского «Соборы Древней Церкви эпохи первых трех веков христианства» рассматривалась в Совете МДА 7 марта 1916 г. В этой диссертации А. И. Покровский проводил идеи об участии мирян в церковном управлении. Несмотря на отрицательный отзыв рецензента А. И. Алмазова и отрицательное мнение ректора МДА епископа Феодора большинством голосов Совета А. И. Покровскому была присуждена степень доктора богословия. Однако Синод не утвердил решения Совета МДА (*Голубцов 1999**, С. 102). Вероятно, это было связано не только с низким качеством диссертации (что признавал и И. В. Попов в письме к архиепископу Арсению (см.: Там же. С. 59)), но и с общей «либерально-церковной» позицией А. И. Покровского, о чем и упоминал свящ. Павел Флоренский. Так, на съезде одного из союзов в своем выступлении он признавал «возможным изменять каноны и уставы церковные помимо Вселенских Соборов “сообразно нарастающим потребностям народа”» (Там же. С. 39). В 1909 г. А. И. Покровский был уволен из МДА и преподавал в Московском, а затем Новороссийском университетах.

После увольнения епископа Феодора с поста ректора МДА, 4 мая 1917 г. Совет МДА просил Синод вернуть уволенных ранее профессоров, в том числе и А. И. Покровского, восстановить их в званиях и должностях. Ходатайство это было удовлетворено.

щемою, готовы заткнуть горло ругательством, а если бы была сила, то и чем-нибудь подействительнее? Я, в данном случае, имею в виду Совет в отношении диссертации А. И. Покровского. Прежде всего, смею Вас уверить, что я был бы против нее, хотя бы был и в единственном числе. Признать ее для меня значит оплевать самое дорогое. И тут дело не в диссертации, а в Покровском, много лет оплеывающем Церковь, о чем я знаю из сообщений людей мне близких, и теперь желающем получить степень доктора кан<онического> права, чтобы к себе как общественной единице прибавить десяток нулей и стать в глазах общества крайним судиею в делах канонических. Почти год тому назад я говорил Н. Г. Высоцкому в Москве против дис<сертации> Покровского и в выражениях гораздо более резких, чем сейчас. Если бы он искал степень доктора психологии или еще что, то мне было бы все равно, получит он ее или нет. Но дать ему степень докт<ора> канн<онического> права — это значит совершить предательство в отношении к Церкви. Если бы мы были не в Дух<овной> Акад<емии>, а в Штабе, то за деяние, подобное присуждению степени докт<ора> канн<онического> права — вручение корпуса заведомому врагу, — Вас надо было бы повесить. Но пусть я ошибаюсь, пусть А. И. Покровский — преданнейший слуга Церкви. Однако почему Вы не хотите признавать даже субъективной правоты? Никого, кроме Бога, я никогда не боялся и не боюсь. А если Ваши друзья желают объявлять войну, то я принимаю этот вызов; но пусть знают, что если война — так война. Ни для кого я не предаю того, чем дорожу больше всего и ради чего оставил людей, которых любил больше всего. Но надо знать, что же из двух.

А в частности, именно о диссертации, скажу, что если бы она была в 10 раз толще и если бы Вы не могли сделать против нее ни одного возражения, то я все равно (и независимо от моих церковных убеждений) неумение различать науки нормативные от наук описательных считаю невежеством столь существенным, что оно не искупается какой угодно усидчивостью в изучении источников. Между тем, это смешение основных задач и методов научной работы у нас господствует, и ему под видом объективности всячески покровительствуют.

Ваш покорный слуга,
священник Павел Флоренский

4. ПИСЬМО СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО
А. И. ВВЕДЕНСКОМУ <ОК. 21 МАЯ> 1912 г.⁹

Глубокоуважаемый Алексей Иванович!

Отправляя к Вам сочинения студ<ента> С. А. Голованенко, я не могу удержаться от некоторой «исповеди» пред Вами в чувствах и состояниях, которые Вы, как несравненно более меня опытный и в жизни, и в науке, конечно, испытали, так что меня поймете. Мне хотелось бы, чтобы эта моя «исповедь» осталась между нами и, в особенности, чтобы о ней не знал сам Голованенко. Но поверьте моему слову, что я не только не имею в виду «убеждать» Вас в достоинстве Голованенко, чтобы оставить при Академии, но даже сам, в глубине души, не знаю, хочú ли я, чтобы его оставили, — не знаю потому, что при современных условиях, когда всегда можно ожидать всяких неожиданностей и когда положение науки стало каким-то двусмысленным, самое пребывание Голованенко в Академии может неблагоприятно отразиться на развитии его духовных сил. Он еще юн и летами, и душою, и то, что нам, старшим его, просто тяжело, то ему может быть невыносимо. (Одно из важнейших обстоятельств, которые я имею в виду, — это какая-то неопределенность Академии и по ее Уставу, и по ее составу: никак

⁹ Письмо священника Павла Флоренского А. И. Введенскому публикуется по первоначальному варианту, оставшемуся у самого свящ. Павла Флоренского в качестве «копии» (в конце данного письма приписка карандашом: «Послано в измененном виде. П. Ф.»).

А. И. Введенский (1861–1913) — профессор МДА по кафедре Метафизики и логики (1892–1913). Один из учителей священника Павла Флоренского. См. о нем выше: *Марков. Воспоминания* (примеч. 87).

Хронология письма определяется по дате отзыва свящ. Павла Флоренского о кандидатском сочинении студента 67 выпуска МДА Сергея Голованенко на тему «Проблема опыта (опыт научный и опыт общечеловеческий)» 21 мая 1912 г. (БВ. 1912. Т. 3. № 12. С. 220–224 (3-я пагин.); 1913. Т. 1. № 2. С. 225–226 (3-я пагин.)).

С. А. Голованенко (7 октября — кон. 1930-х гг.²) окончил Якутскую духовную семинарию. После окончания МДА в 1912 г. был направлен преподавателем в Ярославскую духовную семинарию. Будучи там преподавателем, С. А. Голованенко стал активным автором «Богословского вестника». Ему принадлежат статьи:

1. Православие и культ предков // БВ. 1914. Т. 2. № 5. С. 83–109 (2-я пагин.).
2. Имманетизм и христианская философия. О реал-философских предпосылках Н. Ф. Феодорова // БВ. 1914. Т. 2. № 7/8. С. 569–592 (2-я пагин.).

не можешь выяснить себе, какова, собственно, задача Академии и что именно надо делать).

Голованенко явился ко мне, уж не знаю по чьему наущению, сейчас же по приезде в Академию из далекого Якутска. Не могу сказать, что именно заставило меня обратить на него особое внимание, тем более что его тогдашние воззрения (провинциальный идеализм с либеральным налетом) весьма мало совпадали с моими тогдашними воззрениями, резко аскетическими. Но в силу каких-то причин он привязался ко мне, постоянно приходил ко мне беседовать о разных «мировых вопросах», так что привязался к нему и я. Но, повторяю, как бы близко ни подходили его взгляды к моим формально, в существе они были различны: у него — жизнерадостность, у меня — резиньяция, у него — идеализм, у меня — аскетизм. В спорах я не щадил его, но по совести могу сказать, что сделал, что мог, чтобы «воспитать» его так, чтобы мог дать за него, как за ученика, ответ пред Богом. Вы, старый наставник, знаете лучше моего, что чувство ответственности за ученика, особенно за ученика даровитого, — не шутка и что воспитание дает не одни радости, а гораздо больше трудов и скорбей. А не допускать некоторых

3. Тайна сыновства: (О христианстве Н. Ф. Федорова) // БВ. 1915. Т. 1. № 3. С. 498—516 (2-я пагин.).

4. Проект или символ? (О религиозном проективизме Н. Ф. Федорова) // БВ. 1915. Т. 2. № 6. С. 294—314 (1-я пагин.).

5. К суждению о христианстве Н. Ф. Федорова: (Полемика с Петерсоном) // БВ. 1916. Т. 1. № 1. С. 119—135 (2-я пагин.).

6. Памяти Г. Р. Державина († 8.7.1816 г.) // БВ. 1916. Т. 2. № 7/8. С. 582—586 (1-я пагин.).

7. К истории перевода святоотеческих творений (Переводы Ярославской семинарии) // БВ. 1916. Т. 3. № 10/11/12. С. 536—542 (2-я пагин.),
— а также более 10 рецензий.

По рассказу А. М. Флоренской, во время подавления Ярославского мятежа С. А. Голованенко был взят в число заложников и лишь чудом избежал расстрела (21 июля 1918 г.). После революции он преподавал в Ярославском педагогическом институте, с конца 1934 г. — профессор по кафедре Языкознания в Северном (Вологодском) краевом институте (см.: *Голубцов 1999**. С. 31).

С. А. Голованенко был одним из наиболее любимых и преданных учеников священника Павла Флоренского и сохранял связь с ним до начала 1930-х гг., а его ученики поддерживали связь с семьей Флоренских в послевоенные годы.

«вольностей», затягивать удила — это значит рисковать уничтожить и работу нескольких лет, которая — поверьте — для меня равнялась бы не одной диссертации, по крайней мере в смысле чувства ответственности. Глупая, «толстовская» история, в которой Голованенко, однако, вовсе не был зачинщиком, а лишь одним из многих участников¹⁰, — эта история стоила мне нескольких бессонных ночей.

Вы спросите, о чем я старался. Менее всего о том, чтобы «приготовить» «профессора», а исключительно о том, чтобы помочь развиться «человеку», т. е. <с моей точки зрения>¹¹, сознательному и убежденному борцу за христианство, который был бы во всеоружии и в которых мы, наша Русская Церковь, так нуждается теперь. Теперь я внутренне убежден, что Голованенко стоит на правильном пути и сам сможет прийти туда, куда ему должно прийти, чего ему я от души желаю. Но повторяю, я не знаю, следует ли желать, чтобы его оставили при Академии или не следует, тем более что я уверен, что и помимо Академии он не затеряется. Что же касается до интересов Академии как учреждения, то помимо меня есть столько старших меня, которые отвечают пред Богом за ее состояние, что я внутренне спокойно даю себе «отпуск» в этом отношении и особенно не задумываюсь над тем, что все равно не в моей власти, да, в сущности, и не в Вашей, и даже не в Советской¹². Вот почему я нимало не задаюсь вопросом, «оставят или не оставят при Академии Голованенко?» Считают его подходящим — хорошо, если оставят, считают неподходящим — пусть не оставляют, это не важно, но мне в высшей степени тяжело, когда этот «прагматический» вопрос осложняется подозрительностью и какою-то неприязненностью к личности. Мне думается, что вообще нет нужды бояться крутых мер, если они сознаются необходимыми; но если дело не так серьезно, чтобы употребить крутую меру в отношении к студенту, то тогда надо употребить «крутые» усилия, чтобы *внутренне* победить

¹⁰ Группа студентов Московской духовной академии послала вдове Л. Н. Толстого телеграмму соболезнования в связи со смертью супруга. Выяснилось это совершенно случайно при обыске у С. А. Голованенко, который был тогда студентом 3-го курса (Голубцов 1999*, С. 31).

¹¹ В тексте: «для меня».

¹² Имеется в виду Совет Академии.

его. Отчего ж не выгнать студента, если он безнадежен; но если он не безнадежен, если он еще студент, то окружить его атмосферою недоверия — это значит возбуждать недоверие к себе. Но Голованенко, не будучи изгнанным, прожил все четыре года у нас именно в положении человека под тайным надзором, и для него, при его гордости и его юношеской прямолинейности, особенно в первые годы, такое положение было невыносимо. Ради Бога не подумайте, будто я сколько-нибудь отношу это к Вам: тогда я не стал бы писать Вам своих наблюдений в течение курса его обучения; когда я видел, как он страдает от этого своего положения, я не раз втайне желал, чтобы его исключили из Академии и тем положили конец этому облаку, нависшему, но не разражающемуся.

Теперь, несколько слов о самом сочинении. Мне трудно судить его, потому что основные идеи его — мои идеи; я не знаю, что думает о себе Голованенко, но я воспринимаю его как ученика, и ученика не только своего, но и всей нашей, общей мне, и Вам, и нашим учителям школы философии. Почти о каждом из вопросов этого сочинения я разговаривал с Голованенко и разъяснял их на лекциях и практических занятиях. Но это я говорю не для умаления заслуг Голованенко, а к тому, чтобы пояснить, почему я лишен возможности судить его. Однако, ни одно место его сочинения не есть заимствование; везде усвоение органическое, применение к частным случаям, самостоятельное обоснование. Одним словом, он ученик в лучшем смысле слова, как всякому должно быть в свое время учеником, но явно становящийся на свои ноги. Характерным для Голованенко является и выбор темы, ибо далеко не все то, о чем мы говорили и что я старался доказать ему, воспринято и, тем более, воспринято в одинаковой мере. Тут определенно сказывается свой философский темперамент.

А с другой стороны, если принять во внимание, до чего мало — чтобы не сказать «ничего» — усваивали в такой же промежуток времени другие мои ученики, то делается весьма наглядным и «емкость» Голованенко, и его добросовестность.

С внешней стороны сочинение оставляет желать многого. Общая структура обдуманна, по-моему, хорошо, но самое изложение велось с такою быстротою (начал писать Голованенко свое сочинение после

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА ПРОФЕССОРАМ АКАДЕМИИ

Пасхи), что оказывается весьма необработанным: повторения, недостаточная связность речи, конспективность... Этому способствовали еще и переписчики. По крайней мере, относительно глав <пропуск места для 2—3 слов> сам Голованенко, прочтя их впервые после того, как сочинение было переплетено, приходил в отчаяние и весьма расстраивался.

[Далее приписано позднее карандашом:]

Послано в измененном виде. П. Ф.

Публикация игум. Андроника (Трубачева)